

Жизнь в общине

Дитрих Бонхёффер, немецкая Лютеранская церковь

Христианство означает сообщество христиан через Иисуса Христа и в Иисусе Христе. Любое христианское сообщество или общение не больше и не меньше этого. В любом случае — будь это единственная краткая встреча христиан или ежедневное общение на протяжении многих лет — христиане общаются друг с другом через Иисуса Христа и в Иисусе Христе. Мы принадлежим друг другу только благодаря Иисусу Христу и в Иисусе Христе.

Человек, которого Бог привел к совместной жизни с другими христианами, постигает, что значит быть братьями. «Братья во Христе» — так называл апостол Павел свою общину (Филип.1:14). Люди являются братьями друг другу через Иисуса Христа. Я — брат другому человеку благодаря тому, что Иисус Христос сделал для меня, а этот человек стал мне братом благодаря тому, что Иисус Христос сделал для него. Тот факт, что мы становимся братьями только через Иисуса Христа, имеет неоценимое значение. Я должен пребывать в общении не только с человеком, который — серьезен, благочестив и ищет братского общения со мной. Моим братом является и другой человек, который искуплен Христом, очищен от греха и призван к вере и вечной жизни. Наше христианское общение определяется не тем, что собой представляет человек как христианин и не его духовностью или набожностью. Наше христианское братство определяется тем, кем является человек благодаря тому, что совершил Христос. Наша христианская общность друг с другом заключается исключительно в том, что Христос совершил для каждого из нас. Это верно не только в самом начале, (как если бы со временем что-то еще должно быть привнесено в наше братство), но так будет всегда и во всей вечности. Я соединен узами братства с другими сейчас и всегда — только через Иисуса Христа. По мере того, как наше христианское сообщество будет совершенствоваться, все то, что еще стоит между нами и мешает нам, отступит; а Иисус Христос и то, что Он совершил, станут единственной жизненно важной связью между нами. Мы принадлежим друг другу только через Иису-

са Христа, через Него мы принадлежим друг другу полностью и вечно.

Это устраняет раз и навсегда любое навязчивое желание иного общения. Если кто-то хочет больше того, чем установил Христос, он не стремится к христианскому братству, он ищет какого-то необычного общения, которое он не может найти в другом месте; он вносит беспорядочные и нечистые желания в христианское братство. Именно здесь христианское братство чаще всего подвергается величайшей опасности в самом начале — опасности подмены христианского брат-

ства собственной идеей религиозного общения, когда путают естественное желание благочестивого сердца иметь общение с собратьями по вере с духовной реальностью христианского братства. В христианском братстве все покоится на ясном и четком понимании того, что во-первых, христианское братство является не идеальной, а божественно реальностью, и во — вторых, христианское братство является духовной, а не душевной реальностью.

Можно привести бесчисленное множество примеров, когда христианские общины распадались только потому, что они возникли из мечты. Серьезный христианин, впервые попавший в христианскую общину, обычно приносит с собой свое очень четкое представление о том, каким должно быть христианское общение и старается претворить его в жизнь. Но Божья благодать быстро разрушает такие мечты. Бог, несомненно, хочет привести нас к пониманию, что есть истинное христианское общение. Несомненно также и то, что мы испытываем полное разочарование в других людях, в христианах в целом и, если нам повезет, — в самих себе.

Исключительно по своей благодати Бог не позволит нам жить в мире мечты даже в течении краткого отрезка времени. Он не оставляет нас на произвол восторженных переживаний и возвышенных настроениях, которое охватывает нас подобно грезам. Бог есть не Бог эмоций, а Бог истины. Только тот опыт общения, который сталкивается с разочарованием со всеми его неприятностями и неприглядными моментами, начинает становиться тем, чем он должен быть в Божьих очах, и

начинает различать в вере то обетование, которое дано. Чем быстрее наступит это разочарование и связанное с ним потрясение — как в случае отдельного человека, так и в случае общины — тем лучше и для человека и для общины. Община, которая не может вынести и пережить такой кризис, которая настаивает на сохранении иллюзий христианского общения, рано или поздно распадается. Любая человеческая мечта, привнесенная в христианскую общину, представляет собой угрозу, для сохранения подлинной общины; для того, чтобы община выжила, эта мечта должна быть устранена. Тот, кто любит свою мечту об общине более, чем реальную христианскую общину, способствует разрушению общины, даже если его намерения честны, серьезны и жертвенны.

Бог ненавидит нереальные мечты, которые делают человека горделивым и высокомерным. Человек, предающийся мечтам об идеальной общине в соответствии со своим пониманием, требует, чтобы эти мечты были исполнены Богом, другими людьми и самим собой. Он приходит в христианскую общину со своими требованиями, он устанавливает свои собственные законы, в соответствии с которыми он судит своих братьев и Самого Бога. Он является непреклонным живым упреком для всех остальных братьев общины. Он действует так, как если бы он был создателем христианской общины, как если бы его мечта объединяла людей. Если дела идут не так, как он хочет, он говорит о провале своих усилий. Когда идеальная картина, которую он создал в своем воображении, разрушается, он считает, что община погибает. И тогда он становится сначала обвинителем своих братьев, затем обвинителем Бога и, наконец, отчаявшимся обвинителем самого себя.

Поскольку Бог заложил одно единственное основание для нашего общения и объединил всех христиан в одном Телес — в Иисусе Христе — задолго до того, как мы начали участвовать в совместной христианской жизни, мы должны входить в эту совместную жизнь не как требовательные просители, а как благодарные получатели дара общения. Мы должны благодарить Бога за все то, что Он совершил и совершает для нас. Мы благодарим Бога за то, что Он дарует нам братьев, которые живут по Его призыву, Его прощением и Его обетованием. Мы не жалуемся, Бог не дает нам чего-то, но мы благодарим Бога за то, что Он дает нам каждый день. Разве нам недостаточно того, что нам дано: наших братьев, которые будут с нами в борьбе с грехом и нуждой в благословении Его благодати? Разве божественный дар христианского общения меньше, чем сегодняшней или

любой другой день или самый трудный и горестный день? Даже тогда, когда жизнь в общении с другими христианами отягощена грехом и непониманием, разве не является грешный брат по-прежнему братом, с которым я тоже стою под Словом Христа? Разве не является его грех постоянным предложением для того, чтобы я воздавал благодарение Богу за то, что мы оба можем жить во всепрощающей любви Бога в Иисусе Христе? Даже тот час, когда я испытываю разочарование в своем брате, является неизмеримо благотворным, потому что он предельно ясно учит меня тому, что никто из нас никогда не может жить по своему слову и своими делами, а только по тому единственному Слову и Деянию, которые связывают нас друг с другом, это — прощение грехов в Иисусе Христе.

Когда на рассвете исчезает утренний туман грез, наступает ясный день христианского общения.

Особенно это относится к жалобам на общины, которые можно часто услышать от пасторов и ревностных прихожан. Пастор не должен жаловаться на свой приход не только другим людям, но и Богу. Приход дан ему не для того, чтобы он стал его обвинителем перед Богом и перед людьми. Когда человек отчуждается от своей христианской общины и начинает жаловаться на нее, он должен прежде всего обратить внимание на самого себя и посмотреть, не связана ли его проблема с пустой мечтой, которая должна быть развеяна Богом, и если это так, то пусть он возблагодарит Бога за эту трудную ситуацию, в которой он оказался. Если же это не так, то он все равно должен воздерживаться от жалоб на свою общину Богу. Пусть он лучше обвиняет самого себя. Пусть он молит Бога о том, чтобы Он послал ему понимание своих неудач и своего конкретного греха и помог ему правильно относиться к своим братьям. Сознывая свою собственную вину, он должен молиться за своих братьев. Пусть он делает то, что ему поручено, благодаря за это Бога.

Поскольку христианское сообщество основано исключительно на Иисусе Христе, оно является духовной, а не душевной (человеческой) реальностью. В этом его отличие от всех остальных сообществ. То, что создается только Святым Духом, который помещает Иисуса Христа в наши сердца как Господа и Спасителя, называется в Священном Писании «духовным». «Душевное» или «человеческое» определяется в Священном Писании как то, что связано с естественными побуждениями, способностями и возможностями человеческого духа.

Основной любой духовной реальности является четкое явное Слово Божие в Иисусе Христе. Основой любой человеческой реаль-

ности являются темные неясные побуждения и расплывчатые желания человеческого ума. В основе сообщества Духа лежит истина, в основе человеческого сообщества — желание. Сутью сообщества Духа является свет, ибо «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1Ин.1:5), и «если же ходим во свете подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом» (1Ин.1:7). Суть человеческого сообщества есть тьма, «ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы» (Мк.7:21). Глубокая ночь окутывает все первопричины дел человеческих, даже самые благородные и благочестивые порывы. Сообщество Духа есть общение людей, призванных Христом; человеческое общение есть общение благочестивых дел. В сообществе Духа ярким пламенем горит любовь братского служения — агапе; в человеческом сообществе тлеет темная любовь добрых и злых желаний — эрос. В первом случае мы имеем упорядоченное братское служение, во втором случае — беспорядочное желание удовольствий. В первом случае мы видим смиренное подчинение человека своим братьям; во втором — смирение, но все же высокомерное подчинение другого человека своим собственным желаниям. В сообществе Духа правит только Божье Слово; в человеческом сообществе наряду с Божиим Словом правит человек, наделенный исключительной властью, опытом, магическими суггестивными способностями. Там людей объединяет только Бог; здесь, помимо Слова, люди сами связывают себя друг с другом. Там вся власть, честь и господство отданы Святому Духу; здесь люди заняты поисками и созданием сфер власти и личного влияния. Справедливости ради надо сказать, что благочестивые люди делают это, исходя из наилучших и наивысших побуждений, но реальный результат их усилий сводится к тому, что Святой Дух свергается с престола и отодвигается на далекий нереальный план. Фактически здесь действует только человек. В духовной сфере правит Дух; в человеческом сообществе правят психологические приемы и методы. В первом случае мы имеем искреннюю, не-психологическую, не-методическую, помогающую любовь, обращенную на брата — христианина; во втором случае мы имеем психоанализ и его толкование. В первом случае служение своему брату является искренним и смиренным; во втором случае служение заключается в пытливом и расчетливом анализе незнакомца.

Итак, можно сказать, что существует человеческая ассимиляция. Она проявляется всегда, когда человек сознательно или невольно злоупотребляет своей властью для того, чтобы оказать сильное влияние на другого чело-

века или на целое сообщество людей и подчинить их себе. Здесь одна душа непосредственно воздействует на другую душу. Сильный побеждает слабого; сопротивление слабого преодолевается влиянием сильного. Он сломлен, но не завоеван. Это становится очевидным, как только возникает потребность, чтобы этот «побежденный» человек действовал в сфере, в которую он притянут, самостоятельно, без человека, с которым он связан, а возможно и в оппозиции к нему. В этой ситуации подчиненный или «побежденный» человек ломается, и тогда становится ясно, что его «изменение» было произведено не Святым Духом, а человеком и поэтому было неустойчиво.

То же самое можно сказать и о человеческой любви к своему ближнему. Эта любовь способна на удивительные жертвы. Во многих случаях она намного превосходит настоящую христианскую любовь в пылкой преданности и в видимых результатах. Она говорит христианским языком с потрясающим и волнующим красноречием. Но именно это имел в виду апостол Павел, сказать: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение» (т.е., говоря другими словами, я объединю высочайшее проявление любви в делах с величайшей преданностью), «а любви не имею (т.е. любви Христа), нет мне в том никакой пользы» (1Кор.13:3). Человеческая любовь обращена на другого человека ради него (себя?) самого, духовная же любовь любит другого ради Христа. Поэтому человеческая любовь ищет непосредственного контакта с другим человеком; она любит его не так как свободного человека, а как человека, которого она привязывает к себе. Она хочет заполучить, завоевать его любыми средствами, даже прибегая к силе. Она хочет быть неотразимой, она хочет править.

Поскольку в основе духовной любви лежит не желание, а служение, она любит врага, как брата. Духовная любовь зарождается ни в брате, ни во враге, но в Христе и Его Слове. Человеческая любовь никогда не может понять духовную любовь, ибо духовная любовь идет свыше; это что-то совершенно иное, незнакомое и непостижимое для человеческой любви.

Поскольку между мною и другими людьми стоит Христос, я не осмеливаюсь руководить моими взаимоотношениями с ними. Христос обращается и ко мне и к другим людям для того, чтобы мы могли быть спасены. Мы можем быть спасены только самим Христом. Это означает, что я не должен руководить и подчинять себе другого человека моей любовью. Другому человеку нужна его независимость. Он хочет, чтобы его любили, как человека, ради которого Христос воочеловечился, умер

и воскрес; чтобы его любили, как человека, прощение грехов и вечная жизнь которого куплены кровью Христа.

Поскольку Христос, несомненно, принимал участие в жизни моего брата задолго до того, как я начал это делать, я должен оставить этому человеку его свободу, чтобы он был Христов; я должен воспринимать его только как человека, каким он уже является в глазах Христа. Таков смысл предлагаемой нами позиции — мы можем воспринимать других людей только через посредничество Христа. Человеческая любовь создает свой собственный образ другого человека: Кем он является и кем он должен стать. Она берет жизнь другого человека в свои руки. Духовная любовь видит и признает истинный образ другого человека, полученный от Иисуса Христа; образ, который воплотил сам Иисус Христос и который запечатлен на всех людях.

Поэтому духовная любовь проявляется в том что все, что она говорит и делает, восхваляет Христа. Она не будет пытаться «давить» на других людей и грубо вмешиваться в их жизнь. Она не будет находить удовольствие в благочестивой человеческой горячности и возбуждении. Наоборот, она воспримет

другого человека с чистым Словом Божиим и будет готова оставить его с этим Словом на долгое время, желая вновь отпустить его, чтобы Христос мог быть с ним. Она будет уважать ту черту, которая проведена Христом между ними и нами; она найдет полное общение с ним во Христе, который один связывает всех нас воедино.

Человеческая любовь живет неконтролируемыми и неуправляемыми темными желаниями; духовная любовь живет в чистом свете служения, предписанного истиной. Человеческая любовь приводит к подчинению другого человека, к зависимости и ограничениям. Духовная любовь порождает свободу братьев согласно Слову. Человеческая любовь возвращает оранжерейные цветы; духовная любовь приносит плоды, произрастающие в соответствии с благой волей Бога и в хорошую погоду и в ненастье. Существование совместной христианской жизни зависит от того, сумеет ли она своевременно приобрести способность различать между человеческим идеалом и Божьей реальностью, между духовным и человеческим сообществами.

© Перевод на русск. яз. Евангелическое Лютеранское Служение, 2003

Дитрих БОНХЁФФЕР (Bonhoeffer) (1906-45), немецкий лютеранский богослов. Родился в Бреслау в семье профессора психиатрии. Несмотря на религиозный индифферентизм семьи, рано решил стать пастором. Изучал богословие в университетах Тюбингена и Берлина. Испытал влияние идей Барта. Получив ученую степень, преподавал в Нью-Йоркской ДС (1930-31), после чего был пастором в учебных заведениях Берлина и Лондона. Занимался экуменической деятельностью. Когда к власти пришел Гитлер, Бонхёффер, человек глубокой веры, сильной воли, проникнутый живым нравственным чувством, не смог оставаться в бездействии и присоединился к антинацистской «Исповеднической церкви» (в которую входили Борнкам, Рад и другие богословы). Он создавал христианские группы, которые практиковали новые формы духовного общения, выступал с проповедями и докладами. Вскоре власти лишили его ученых степеней, запретили проповедовать, печататься и, наконец, выслали из Берлина. Несмотря на приглашение американских друзей, Бонхёффер остался в Германии, принял активное участие в антинацистском подполье. В 1943 был арестован вместе с членами заговора Канариса и за месяц до конца войны повешен.

В 1933 в Мюнхене вышла его книга «Творение и Грехопадение» («Schöpfung und Fall»), впоследствии переизданная и переведенная на английский язык («Creation and Fall. A Theological Interpretation of Genesis 1-3», L., 1959), в которой Бонхёффер раскрывал смысловую структуру первых трех глав Книги Бытия. Это была

единственная его работа по Священному Писанию, изданная при жизни, если не считать проповедей на Евангелие от Матфея, вошедших в книгу «Следование за Христом» («Nachfolge», Münch., 1937).

Одним из важнейших произведений протестантской мысли 20 в. стали посмертно опубликованные письма Бонхёффера из тюрьмы. В них отразился опыт богослова, оказавшегося среди людей, многие из которых не разделяли его веры. Сближение с ними привело Бонхёффера к выводу, что христиане утратили язык, понятный современному миру. По убеждению Бонхёффера, Бультман, предложивший в 1941 демифологизацию НЗ, «пошел недостаточно далеко», ибо вся традиционная церковность (в данном случае, протестантская), или, по выражению Бонхёффера, «религиозность», перестала удовлетворять «повзрослевший» мир, готовый обойтись без религии. Бонхёффер поставил вопрос: как в таких условиях возвещать о Христе? Ответ, как ему казалось, он нашел в Библии, которая открывает Бога в конкретной жизненной реальности. Бонхёффер считал, что жизненная реальность далека от метафизики и не ограничивается личной религиозностью. «Нужно найти Бога в сердце нашей жизни, — писал Бонхёффер, — в жизни, а не только в смерти, в силе и радости, а не только в страданиях, в наших делах, а не только в грехе».

Идеи Бонхёффера оказали большое влияние на многих богословов, преимущественно протестантских (Тиллих, Эбеллинг, Робинсон Джон и др.).

Из Словаря по библиологии, А. Мень